

18+

Валентина Селезнёва

Канал «Логист»

Валентина Селезнёва

Канал «Логист»

«Издательские решения»

Селезнёва В.

Канал «Логист» / В. Селезнёва — «Издательские решения»,

Ей сорок. Каждый её день — транспортные ведомости и плавное скольжение в бездну выгорания. Однажды вечером она заводит анонимный канал и выплёскивает туда всю правду об офисном аде. Канал взрывает сеть. А потом на её столе появляется записка: «Я знаю, что это вы». Пронзительная история о том, как начать быть собой. И о человеке, который видит тебя настоящую — даже если ты сам давно забыл, кто ты.

© Селезнёва В.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. «Нулевой километр»	6
Глава 1. Воздух	6
Глава 2. Тишина после сигнала	9
Интерлюдия I. Неопубликованный пост	13
Глава 3. Тени на стекле	15
Глава 4. Эдуард Петрович	18
Глава 5. Воронка подозрений	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Канал «Логист»

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0070-3054-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. «Нулевой километр»

Глава 1. Воздух

Будильник ещё молчал, но Анна уже очнулась от тяжёлого, беспокойного сна. В комнате царил тот сумрачный, болезненно-серый свет, какой бывает только ноябрьским утром, — зыбкий, неопределённый, словно сам свет был растерян и не мог набраться сил, чтобы разогнать тесное покрывало тьмы.

Она лежала неподвижно, глядя в потолок, и чувствовала, как внутри неё нарастает глухая тоска. Ночь промелькнула мимо, оставив после себя лишь ощущение тягостной пустоты и неудовлетворённости. Тело казалось налитым свинцовой тяжестью, а в душе эхом отдавалось глухое разочарование от неслучившегося отдыха.

Она поднялась с постели, не бросив даже мимолётного взгляда на часы, словно боялась увидеть то, что они ей покажут. Тело действовало само, по заученному сценарию: сначала край кровати, потом — холодный пол, обжигающий босые ступни, затем — едва уловимый шорох пледа, соскользнувшего на подушку.

Сергей спал, отвернувшись к стене, и его дыхание было ровным и спокойным, как у человека, которому ничего не снится, который не терзается никакими сомнениями и не мучается угрызениями совести.

На кухне Анна включила чайник и застыла у окна, словно статуя, пока вода в нём с шипением нагревалась. Взгляд её был прикован к мокрому асфальту во дворе, где внизу, словно одинокий воин в оранжевом жилете, неспешно двигал щёткой дворник, разгоняя лужи. Она следила за ним, за его размеренными движениями, потому что это было проще, чем вслушиваться в себя, в свои собственные мысли и чувства, что бурлили внутри, как вода в чайнике.

Когда наконец чай заварился, он оказался бледным, почти прозрачным, как её настроение в этот день. Анна сидела, обхватив чашку ладонями, и чувствовала только тепло, слабое и неуловимое, как её надежды на лучшее. Не вкус, а лишь тепло, и всё.

Тишина в квартире была такой плотной, что её, казалось, можно было потрогать руками. Анна стояла в коридоре, прислушиваясь к каждому звуку, но дом словно погрузился в оцепенение. Дочь ещё спала, уткнувшись в телефон, который, вероятно, пролежал под подушкой всю ночь, источая голубоватый свет в темноте.

Анна знала, что нужно зайти в комнату, разбудить дочь, спросить про уроки. Но она медлила, не в силах преодолеть невидимую преграду, которая выросла между ними за последний год. Это было что-то прозрачное и твёрдое, как толстое оргстекло, сквозь которое можно было видеть, но нельзя было ни разбить, ни обойти. Оставалось только ждать, когда оно само истончится, как будто под воздействием неуловимых сил времени.

Анна чувствовала себя одинокой в этом доме, полном звуков и запахов, которые раньше казались ей такими родными. Теперь они словно стали чужими, наполняя пространство тяжёлой тишиной. Она понимала, что должна что-то предпринять, но не знала, с чего начать.

В метро стоял густой и многослойный воздух, пропитанный запахом мокрой шерсти и сладких духов. Анна крепко вцепилась в поручень, зажав сумку локтем, и устремила взгляд в тёмное окно, за которым вместо пейзажа плыло её собственное отражение — бледное, без теней, словно недописанный портрет, оставленный художником на полпути к завершению. Поезд дёргался на стыках рельсов, и вместе с ним дёргалась и она, но лицо её оставалось неподвижным, как маска, не выражающая никаких эмоций.

Она помнила, как несколько лет назад ехала по этой же ветке, но в другую сторону и в другое время — на собеседование. Тогда ей было тридцать два, и она надела новый жакет, тщательно подобранный, чтобы произвести впечатление. В голове кружились ответы на вопросы, которые ей, возможно, не зададут, но которые она повторяла про себя, словно заклинания. Внутри что-то звенело — надежда, ожидание, предвкушение. Теперь же всё это казалось далёким и нереальным, как перегоревшая лампочка: внешне целая, но не дающая света.

Офис встретил её холодным блеском стеклянных дверей и монотонным гудением вентиляции, напоминающим шёпот давно забытых тайн. Анна, окутанная тяжёлыми мыслями, прошла через турникет, словно преодолевая невидимые барьеры, и поднялась на третий этаж. Она села за свой стол, ещё не сняв пальто, будто боялась расстаться с последним островком тепла и уюта.

Компьютер загружался медленно, и она смотрела, как на экране постепенно проступает рабочая среда — иконки, папки, красные флажки непрочитанных писем. Ей казалось, что она сама загружается вместе с системой, медленно и без желания, словно каждый байт данных тянул её вниз, в бездну повседневности.

Коллеги подтягивались по одному, как капли из плохо закрытого крана, создавая ощущение бесконечного и монотонного ритма. Кто-то бросил «привет», кто-то — молча прошёл мимо. Анна отвечала, не вслушиваясь в свой голос, словно находясь в трансе, где слова теряли свой смысл и вес.

Планёрка началась ровно в десять. Переговорная с серыми, безликими стенами и длинным столом, на котором кто-то оставил пустой стаканчик из-под кофе, словно бы погружала в атмосферу уныния. Анна села с краю, аккуратно выровняла перед собой ручку и блокнот. Она всегда носила с собой блокнот — не потому, что много записывала, а потому, что он создавал иллюзию порядка, которой так не хватало в её жизни.

Эдуард Петрович вошёл, когда все уже сидели. Он двигался по комнате так, словно его тело занимало больше места, чем на самом деле, — медленно и тяжело, как будто преодолевая невидимое сопротивление воздуха. Сел, шумно выдохнул, разложил бумаги с нарочитой неторопливостью человека, привыкшего к вниманию. Начал говорить — и слова его были плотными, как вата, и такими же серыми, как стены переговорной. Они повисали в воздухе, словно осязаемые, и Анне казалось, что она может потрогать их рукой.

Анна не вникала в смысл слов, она анализировала интонации. Этот навык она отточила до совершенства: в кажущемся хаосе звуков она безошибочно выхватывала тревожные звоночки. Как опытный разведчик, она умела замечать едва уловимые детали: когда голос начальника становился чуть пронзительнее, когда он делал паузу перед чьим-то именем — словно бросал невидимый камень в тихий омут.

На её имени он паузу не сделал. Анна почувствовала, как внутри неё всё сжалось от необъяснимого предчувствия. Она словно оказалась на краю пропасти, глядя вниз, в темноту, где таились неведомые опасности.

— Анна Игоревна, ну вы же женщина! Как можно быть такой невнимательной?

Тишина обрушилась, словно резкий хлопок двери, ударивший по нервам. Анна ощутила, как внутри неё что-то болезненно качнулось — не просто обида, а глубокое, знакомое чувство, похожее на старую рану, которая вновь открывается в точно назначенный срок.

Она улыбнулась, но это была не искренняя улыбка. Уголки губ поднялись непроизвольно, словно тело, опередив сознание, выдало заученный рефлекс, выработанный годами. И уже улыбаясь, она осознала, что в этот момент что-то внутри неё окончательно завершилось. Не сломалось — именно завершилось, как заканчивается срок годности у продукта, который слишком долго держали в холоде, и он утратил свою свежесть и жизнь.

— Я учту, — сказала она ровно.

И открыла транспортную ведомость.

Вечер окутал комнату мягким, но угнетающим полумраком. Анна сидела в спальне, погруженная в свои мысли. За окном стремительно темнело, и она не стала включать верхний свет, только тусклый ночник у кровати, который отбрасывал на стены причудливые тени. В руке у неё лежал телефон, тёплый от прикосновения ладони.

Анна не могла понять, зачем открыла ту платформу. Она просто листала экран, погружённая в свои переживания, и вдруг перед ней всплыла иконка — чёрная, зловещая, без названия, с единственной кнопкой «Создать канал». Кнопка словно манила её, и Анна нажала на неё, не успев испугаться, не успев осознать, что она делает.

Страница предстала перед Анной девственно пустой, словно нетронутый снег в морозное утро. Мигающий курсор, похожий на неутомимого светлячка, пульсировал в ожидании. Анна сидела неподвижно, погружённая в свои мысли, и смотрела на экран, будто пытаясь разглядеть в нём отражение своих чувств.

Наконец, её пальцы, словно ведомые невидимой силой, легли на экран. Они двигались по нему с лёгкостью и уверенностью, словно пытаясь оставить на нём следы своих переживаний. Анна начала писать, и строки, одна за другой, появлялись на экране. В них не было гнева, не было имён — только сухая ирония, которая рождается из долгого молчания и затаённой боли.

Она писала о кулере, который не чинят уже полгода, о том, как он стал символом безразличия и равнодушия. О тимбилдинге, на который никто не хотел ехать, потому что все понимали — это просто очередная попытка создать видимость сплочённости, за которой скрывалась глухая стена непонимания и отчуждения. И о тишине, которая была гуще слов, о той тишине, которая давила на плечи, словно тяжёлый камень, и заставляла чувствовать себя ещё более одинокой и потерянной.

Она нажала «Опубликовать» и отложила телефон, словно отпуская в свободный полёт маленькую частицу своей души. В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь гулом холодильника за стеной и едва слышной музыкой из комнаты дочери.

Никто не ответил. Никто не прочитал. Но в груди, там, где раньше была лишь серая вата пустоты, что-то слабо шевельнулось. Не надежда — скорее, призрачный намёк на неё, как свет далёкого фонаря в густом тумане. Этот свет она видела не глазами, а словно чувствовала на границе своего восприятия, в глубине души, где таились самые сокровенные мечты и страхи.

Анна закрыла глаза, погружаясь в мир своих мыслей и чувств. Она ощущала, как медленно и тяжело бьётся её сердце, словно пытаясь пробиться сквозь толщу сомнений и неуверенности. Впервые за долгое время она не думала о завтрашнем дне, о его неопределённости и тревогах. Она думала о том, что где-то в бескрайних просторах сети остались её слова — искренние, обнажённые, уязвимые. И они никому ничего не должны, как и она сама больше не обязана соответствовать чужим ожиданиям и нормам.

Глава 2. Тишина после сигнала

Телефон на тумбочке коротко вздрогнул и затих, словно испугавшись собственной дерзости. Анна не спала уже несколько минут — лежала неподвижно, прислушиваясь к редким каплям, стучащим по стеклу за окном, и к тому, как в груди медленно, будто нехотя, поворачивается сердце, наполненное тяжёлой пустотой.

Она протянула руку, ощущая, как каждый нерв в её теле напряжён до предела. Экран загорелся, выветив значок приложения — маленький чёрный квадрат, похожий на бездну, которую ещё вчера там не было. Анна почувствовала, как её охватывает странное волнение, смешанное с тревогой.

Уведомление. И под ним цифра, от которой Анна сначала отмахнулась, как от нелепой ошибки, посланной вселенной. Двести тридцать два новых подписчика. Цифры мерцали перед глазами, словно призраки, которые пришли, чтобы напомнить ей о чём-то важном, но забытом.

Она села на кровати, не зажигая света. В темноте очертания комнаты расплывались, и привычные вещи казались чужими. Сергей рядом дышал всё так же ровно, и этот привычный звук вдруг показался ей незнакомым, словно доносился из другого мира. Как будто она лежала не в своей уютной спальне, а где-то в гостиничном номере, где всё было временным и ни к чему не обязывало.

Она смотрела на экран телефона, и в груди поднималось странное, давно забытое ощущение — не радость, скорее растерянность, смешанная с холодком риска. Как если бы она шла по знакомой улице и вдруг заметила, что прохожие оборачиваются ей вслед, хотя она ничего особенного не сделала. Сердце билось быстрее, и она чувствовала, как кровь приливает к щекам. Что-то внутри неё сжималось от тревоги, но в то же время она ощущала странное возбуждение, словно стояла на краю обрыва и смотрела вниз, готовая сделать шаг в неизвестность.

Она погрузилась в чтение комментариев, словно в бурный поток чужих мыслей и эмоций. Их было множество — десятки, — и все они сливались в единый мощный хор, словно каждый из этих людей вдруг услышал в её словах отголоски собственной души. Не фальшивые, не наигранные — искренние и глубокие, как стоны людей, которые внезапно узнали в чужом голосе свой.

«Боже, это про нас», — писала женщина с аватаркой в виде пышного пиона, словно цветок был символом её души, полной красоты и страдания.

«Кто автор, не знаю, но он явно работает в аду», — писал мужчина с ником, напоминавшим заводской индекс, словно его жизнь была столь же безрадостной и монотонной, как и сам индекс.

«Продолжайте, пожалуйста», — просили они, и в этих словах звучала мольба, надежда на то, что она продолжит делиться своей болью, своими мыслями, своей душой.

«Я думал, такое только у нас», — признавался другой, словно в её строках он находил отражение своих собственных переживаний, своих страхов и сомнений.

«Подписался, жду», — писали они, и в этих словах слышалась готовность следовать за ней, впитывать каждое её слово, как жаждущий путник впитывает капли воды в пустыне.

Анна застыла, отложив телефон. Она обхватила колени руками и погрузилась в свои мысли, словно в тёмный омут. В её душе бушевала буря противоречивых чувств. Она не планировала продолжать. Не планировала даже начинать — вчерашний пост был словно случайным выдохом, почти анонимным посланием в бескрайнем море интернета.

Но теперь, когда она увидела, что её слова попали в чью-то боль, как ключ в замок, она почувствовала груз ответственности. Это было неожиданное и почти забытое ощущение. Оно пробудило в ней что-то давно спящее, что-то, что она давно похоронила под слоем равнодушия и апатии.

И, может быть, впервые за долгие месяцы Анна почувствовала интерес — живой, трепетный, словно росток, пробивающийся сквозь асфальт. Этот интерес был одновременно и пугающим, и манящим, как далёкий свет маяка в ночной тьме.

Она поднялась с постели, стараясь не издавать ни звука, и на цыпочках прокралась на кухню. Там, в тишине, наполненной лишь тихим шорохом собственных движений, налила себе воды из крана и застыла у окна, вслушиваясь в монотонный скрежет дворника, который внизу скреб асфальт.

Утро только начинало брезжить, и свет был таким, какой бывает в феврале: белым, без теней, словно разбавленным молоком. Этот свет, проникая сквозь стекло, окутывал её призрачным сиянием, словно отделяя от привычного мира.

Ей вдруг остро пришло в голову, что она больше не просто Анна-логист, безликий винтик в огромной машине корпоративных будней. У неё появилась тайная жизнь, скрытая от посторонних глаз, о которой не знает никто. Эта мысль, подобно электрическому разряду, пронзила её сознание, вызывая бурю противоречивых эмоций. Ей было жутко от осознания собственной двойственности, от мысли, что она ведёт двойную игру, скрывая истинные намерения даже от самых близких людей. Но в то же время это было сладко — ощущать себя частью чего-то большего, иметь доступ к тайнам, которые недоступны другим.

В вагоне метро она сидела, устремив взгляд не в окно, а вперёд, вглубь пустоты, где за гранью видимого начинали складываться слова. Строчки, словно настойчивые шёпоты, кружились в её голове, ещё не оформившиеся, не готовые, но уже живые, как позывные из неведомого мира.

Она вдруг заметила то, на что раньше не обращала внимания: как парень напротив, погружённый в свои мысли, нервно крутит в руках пропуск, словно это единственное, что связывает его с реальностью; как женщина с пакетом устало прикрыла глаза, пытаясь укрыться от окружающего мира; как машинист объявляет станцию с той особенной интонацией, которая бывает только у людей, повторяющих одно и то же тысячу раз, — интонацией, полной скрытой тоски и монотонной обречённости.

Мир вокруг неё оживал, наполнялся деталями, и она понимала, что смотрит на него уже не как прохожий, а как собиратель, кропотливо складывающий мозаику бытия. Как писатель, который пока ещё боится себя так назвать, но в глубине души уже осознаёт свою сущность, своё призвание — собирать крупинцы жизни и превращать их в слова, в истории, в миры, оживающие на страницах книг.

В офисе царил напряжённая тишина, словно воздух был наполнен невидимыми искрами ожидания. Анна, погружённая в свои мысли, медленно прошла к своему столу. Она машинально кивнула коллегам, даже не взглянув на них, и села, не снимая тяжёлого пальто, которое будто защищало её от внешнего мира.

Ей нужно было несколько минут, чтобы перейти от внутреннего мира своих переживаний к внешней реальности. Анна знала за собой эту особенность — быть немного «не от мира сего», как иногда говорили о ней окружающие. Но никогда раньше она не считала эту черту ценной.

Сегодня же всё изменилось. В этот день она увидела себя по-другому: не «тугой на подъём», а человеком, которому нужно время, чтобы войти в роль, примерить на себя маску, которую общество ожидает увидеть. И эта мысль уже не казалась ей чуждой или навязанной кем-то другим. Нет, это была её собственная мысль, рождённая в глубинах её души, где скрывались самые сокровенные страхи и желания.

За соседним столом Лена, молоденький менеджер по закупкам, тихо рассказывала кому-то по телефону о том, что вчера прочитала «потрясающий канал, какой-то Логист, вы не видели?». Её голос звучал воодушевлённо, почти восторженно. Анна замерла, затаила дыхание. Сердце гулко ударило в висках, словно молот по наковальне.

Внутри Анны начало медленно разгораться странное чувство — одновременно приятное и пугающее. Оно было похоже на тепло от камина, который медленно согревает замёрзшие руки, но при этом может обжечь. Опасное, но живое чувство растекалось по телу, наполняя его трепетом и волнением.

Её не узнали. Но её читали. Мысли вихрем проносились в голове Анны. Она чувствовала себя одновременно и счастливой, и растерянной. Как будто она была актрисой, которая играла роль на сцене, но вдруг обнаружила, что её игра вызывает бурные аплодисменты у зрителей, хотя они не знают её имени.

День тянулся медленно и вязко, словно тягучая патока, засасывающая в свою липкую бездну. Планёрка, отчёты, бесконечная переписка с поставщиками, которые путали номенклатуру и не могли разобраться в элементарных вещах. Эдуард Петрович снова был не в духе, его резкие слова и критические замечания сыпались, как колючий град, но сегодня они скользили по Анне, не задевая её. Она смотрела на него и думала: а что, если бы он знал? Что, если бы он, сидя в своём кабинете, читал её текст и не догадывался, что женщина, которую он учит «быть внимательнее», и есть автор?

От этой мысли ей стало почти весело, в душе заиграли озорные искорки. Она спрятала улыбку в чашку с чаем, и никто не заметил этого тайного торжества, скрытого за обыденным жестом.

Вернувшись домой вечером, Анна не стала включать телевизор. Она медленно прошла на кухню, словно каждый шаг давался ей с трудом. Села за стол, открыла ноутбук и зашла в канал. Подписчиков было уже больше трёхсот — цифра, которая всё ещё казалась ей невероятной.

Комментарии всё прибывали, и среди них появлялись новые. Люди благодарили, пересылали пост знакомым, писали, что «это голос целого поколения офисного планктона». Анна поморщилась, прочитав это слово — «планктон». Оно царапнуло её, как колючая проволока. Но она не отмахнулась. В этом была доля горькой правды, которую она не могла отрицать. И доля иронии, которую она сама бы оценила, если бы не была так глубоко задета.

Она размышляла о том, как далеко зашла. Как из обычной офисной сотрудницы превратилась в автора, чьим словам внимают сотни людей. Мысли кружились в её голове, как листья, унесённые ветром. Она чувствовала себя одновременно и победительницей, и проигравшей. Успех был сладок, но оставлял послевкусие горечи.

Она решительно открыла чистый лист экрана. Настал черёд второго поста — не о заурядном кулере и не о банальном тимбилдинге. Нет, на этот раз она напишет о том, что её действительно волнует.

Она напишет о тишине — той особенной, гнетущей тишине, которая повисает в офисе после саркастичной шутки начальника. Шутки, на которую невозможно не улыбнуться, даже если она задевает тебя, даже если ты чувствуешь, как внутри поднимается волна протеста против этой показной веселости. Улыбка становится маской, за которой скрываются истинные чувства, и каждый в этой комнате знает об этом.

О тишине, в которой слышны лишь мерные щелчки вентилятора в проекторе, делающего оборот за оборотом, словно отсчитывающего секунды до конца рабочего дня. Люди вокруг сидят, уткнувшись в свои ноутбуки, и молчат, погружённые в свои мысли, в свои страхи и сомнения. И никто не решается нарушить эту тишину, не решается высказать то, что лежит на душе.

И о том, что эта тишина со временем прорастает внутрь, прорастая сквозь слои сознания, словно колючие сорняки, и становится привычной — как тупая боль в спине, с которой уже не борешься, а просто смиряешься, как с неизбежным злом. Она становится частью тебя, частью твоей жизни, и ты уже не представляешь себе иного существования.

Она писала долго, погруженная в свой внутренний мир, словно художник, кропотливо выводящий каждую деталь на полотне. Слова ложились на экран одно за другим, плотно, без спешки, как камни в мостовую. Они складывались в предложения, полные глубоких смыслов и потаённых эмоций. Она не думала о том, понравится ли это читателям, не заботилась о возможных отзывах или критике. В этот момент существовали только она и её текст — искренний и правдивый.

Каждая буква, каждый символ, казалось, были пропитаны её чувствами и переживаниями. Она стремилась к одной цели — сказать правду, пусть даже горькую и неприятную. И когда она наконец поставила точку, то почувствовала знакомую уже пустоту — не опустошённость, а освобождение. Словно из лёгких вышел застоявшийся воздух, и она смогла вздохнуть полной грудью. Это было ощущение лёгкости и одновременно тяжести пережитого, словно после тяжёлой, но необходимой работы.

Она решительно нажала кнопку «Опубликовать» и закрыла ноутбук. В этот момент за стеной раздавался звонкий смех Алисы, которая увлечённо общалась с кем-то по телефону. Этот смех был лёгким, молодым, полным беззаботности и не знал ещё, что такое эмоциональное выгорание.

Анна невольно прислушалась к звукам за стеной. На какой-то миг она почувствовала себя частью этого беззаботного мира, где смех льётся так же естественно, как песня птицы в весеннем лесу. И вдруг она поймала себя на том, что улыбается — не дежурной улыбкой, а той, что приходит сама, без спроса, и остаётся на лице даже после того, как причина исчезла. Эта улыбка была искренней, словно робкий солнечный луч, пробившийся сквозь тяжёлые тучи.

Интерлюдия I. Неопубликованный пост

Черновик. Не опубликован. Удалён через четыре минуты после написания.

Я не знаю, зачем пишу это. Возможно, потому что больше некому излить свою душу. Возможно, потому что слова, которые я ношу в себе, словно острые камни, уже не помещаются в тесной грудной клетке — они распирают её изнутри, как воздух в перекачанном мяче, и любое неосторожное прикосновение грозит разрушительным взрывом.

Сегодня на планёрке меня назвали «женщиной, которая должна быть внимательнее». Я улыбнулась — натянуто, фальшиво, как умею. Я всегда улыбаюсь в такие моменты, это мой защитный механизм, отточенный годами. Мышцы лица давно выучили этот трюк, им не нужен приказ из головы. Но внутри, где-то глубоко, за рёбрами, в том месте, которое, кажется, ещё живо и способно чувствовать, — там что-то сжалось в болезненный комок и не разжалось до сих пор. Это чувство похоже на тикающую бомбу замедленного действия, которая может взорваться в любой момент.

Я не знаю, чего хочу. В этом весь ужас, весь кошмар моего существования. Мне сорок, у меня есть семья, должность, ипотека, пенсионный балл и ежедневник, расписанный на две недели вперёд. Но если меня спросить — тихо, без свидетелей, глядя в глаза, — чего я хочу на самом деле, я не отвечу. Не потому что скрываю, не потому что лгу. А потому что в глубине души я сама не знаю ответа на этот вопрос. Я так долго хотела того, чего хотели от меня окружающие, что разучилась отличать их желания от своих, потеряла способность слышать собственный внутренний голос.

Раньше я думала: вот выйду замуж — и начнётся настоящая жизнь, яркая и насыщенная. Потом: вот рожу ребёнка — и заживу по-настоящему, почувствую себя полноценной. Потом: вот выплатим ипотеку, вот получу повышение, вот дочь подрастёт... И каждый раз я убеждала себя, что вот тогда-то и начнётся то самое «настоящее», ради которого стоит жить.

Но теперь я смотрю на свою жизнь, и она кажется мне похожей на мрачную комнату ожидания, где время тянется медленно и однообразно. Я всё жду, когда же начнётся то самое «настоящее», а оно не начинается. И я начинаю бояться, что никакого «настоящего» нет, что это и есть жизнь — серая, скучная, лишённая ярких красок. Та самая жизнь, которую я должна любить и за которую благодарить, но которая кажется мне такой пустой и бессмысленной.

Я боюсь уволиться с работы, потому что боюсь перемен. Боюсь, что не смогу заработать на жизнь иначе, что муж не поймёт моего решения, что дочь будет стыдиться матери-неудачницы. Я боюсь, что сама не справлюсь со свободой, о которой так мечтаю. Я мечтаю о свободе, но не знаю, что с ней делать, как ей распорядиться. Как птица, которая всю жизнь просидела в тесной клетке и уже не помнит, зачем ей нужны крылья, я боюсь расправить их и взлететь в неизвестность.

Иногда мне кажется, что я не живу, а лишь существую, как призрак, скользящий по границам реальности. Я словно наёмный сотрудник, который приходит в пустой, холодный дом, тщательно поливает увядающие цветы, оплачивает счета и уходит, не оставив после себя ни единого следа. Я — одинокий сторож при собственной судьбе, бессменный часовой, обречённый на вечное бдение в пустоте. И самое страшное, что никто, абсолютно никто не замечает моего отсутствия. Никто не спрашивает: «Анна, ты где? Ты вообще здесь?» Я продолжаю улыбаться, кивать, открывать Excel — и исчезаю, растворяюсь в воздухе, словно меня никогда и не было.

Сегодня вечером я сидела на кухне, погружённая в мрачные мысли, и смотрела на чайник. Он закипел, яростно шипя и выплёвывая клубы пара, затем выключился, остыл — а я всё сидела, не в силах заставить себя налить воду. Не было сил, даже самых минимальных, не было желания, не было ничего, кроме бескрайней, всепоглощающей пустоты, в которой гаснут

любые позывы к действию. Я чувствовала себя как корабль, потерявший курс в открытом море, окружённый волнами отчаяния и безнадёжности.

Я не знаю, напишу ли это ещё раз. Может быть, удалю, стёрши слова в пыль, как будто их никогда и не существовало. Может быть, забуду, выброшу из памяти, как ненужную вещь. Но сейчас, пока я пишу, мне чуть-чуть легче. Как будто я на секунду перестала врать, хотя бы себе. Как будто я наконец-то увидела свет в конце тоннеля, узкую полоску надежды, пробивающуюся сквозь тьму.

Глава 3. Тени на стекле

Третий пост она написала не вечером, как обычно, а днём — урывками, тщательно пряча экран телефона за раскрытым ежедневником. Это было опасно и оттого невероятно сладко. Строчки ложились на экран под шум опенспейса, под мерный стук клавиатур и обрывки телефонных разговоров. Анна чувствовала, как в ней поднимается что-то похожее на азарт, но глубже и сильнее — словно она нащупала внутри себя доселе неизвестный орган, который вдруг начал работать, пульсируя и наполняя её новой энергией.

Она была как шпион, передающий секретные сообщения, и это ощущение опасности будоражило её. Анна понимала, что рискует, но остановиться уже не могла. Слова лились из неё, словно давно сдерживаемый поток, наконец-то нашедший выход.

Она писала о совещаниях — о том, как люди заходят в переговорную, словно в зал суда, где каждый шаг может стать роковым. Они входят уверенными в себе, но выходят совершенно другими, потому что час под флуоресцентными лампами, под перекрёстным огнём пассивной агрессии, словно яд, проникает в кровь и меняет её состав.

Она описывала, как начальник произносит фразу «мы — семья», но на самом деле имеет в виду «вы должны». Эти слова, словно острый нож, вонзаются в сердца подчинённых, заставляя их чувствовать себя обязанными и виноватыми одновременно.

Она писала о женщине из отдела кадров, которая носит на лице улыбку, как медицинскую маску, и никогда её не снимает. Эта улыбка, холодная и искусственная, скрывает истинные эмоции и намерения.

Ни имён, ни прямых указаний — только точёные, как ключи, образы, которые открывают двери в глубины человеческой души и обнажают скрытые мотивы.

Телефон в её руке то и дело вспыхивал голубоватым светом уведомлений, каждый раз заставляя Анну вздрагивать от неожиданности. Она изо всех сил старалась не смотреть на экран, боясь, что проницательные коллеги заметят её взгляд, устремлённый на телефон с той особенной жадью, которую трудно скрыть. Анна чувствовала, как внутри неё нарастает напряжение, словно туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Она позволяла себе заглядывать в канал только в туалете, закрыв дверь кабинки на замок и прислушиваясь к каждому звуку в коридоре. Её сердце билось быстрее с каждым новым сообщением, с каждым новым подписчиком. Подписчиков было уже под тысячу, и каждый из них был для Анны маленьким чудом, подтверждением того, что она не одинока в этом мире.

Комментарии неслись рекой, и в них звучало что-то новое — не просто благодарность, а глубокое узнавание, почти родство душ. «Вы пишете мою жизнь», — написала женщина с ником, состоявшим из одних согласных. «Я думала, я одна так чувствую», — вторила другая. Эти слова были для Анны словно глоток свежего воздуха, они наполняли её душу теплом и светом.

Анна читала комментарии и чувствовала, как внутри неё что-то медленно распрямляется, как сжатая пружина, которую слишком долго держали под тяжёлым грузом. Она наконец-то начала понимать, что её слова находят отклик в сердцах людей, что она может изменить их жизнь, подарить им надежду и утешение.

В обеденный перерыв Анна направилась в курилку, хотя сама не курила. В этой маленькой комнате у открытого окна стояли двое из отдела закупок — Лена и немолодой уже Михаил, которого все звали просто Михой. Они говорили негромко, но Анна услышала слово «Логист» и замерла у автомата с кофе, делая вид, что ждёт, пока нальётся стаканчик.

— Говорю тебе, это кто-то из наших, — Миха жевал зубочистку, и его уверенный голос звучал так, словно он знал наверняка. Его слова падали, как камни, в тишине комнаты, созда-

вая ощущение неизбежности. — Уж больно точно про совещания. Про «семью» — это ж чисто эдуардовская тема.

— Да мало ли, — неуверенно возразила Лена, но в её голосе звучала скрытая тревога. — Может, это вообще из другого офиса. Сейчас все пишут.

— Не, — Миха покачал головой, его глаза сверкнули уверенностью. — Там в прошлый раз про кулер было. Наш кулер. И про тимбилдинг — только наши знали, что автобус не заказали.

Анна смотрела в стаканчик, где кофе подрагивал коричневой пенкой. Ей казалось, что воздух вокруг сгустился, как перед грозой, и каждый вздох давался с трудом. Она не могла заставить себя обернуться — боялась, что лицо выдаст её волнение. Отошла, не дожидаясь, пока автомат пикнет, и пошла обратно к своему столу, чувствуя между лопатками чужое дыхание, которого, скорее всего, не было. Каждый шаг казался ей тяжёлым и медленным, словно она шла по дну океана, где время течёт иначе.

После обеда в офис зашёл человек, которого Анна никогда раньше не замечала. То есть он, конечно, работал здесь давно — она вспомнила, что видела его в дальнем углу опенспейса, где гудел кондиционер и мониторы, словно ряды экранов из научно-фантастического фильма, стояли в три ряда, — но он был из тех людей, что проходят сквозь день, не оставляя следа. Его серый свитер будто сливался с окружающей серостью, светлые волосы небрежно падали на глаза, а наушники, казалось, были его постоянным спутником даже в лифте. Он прошёл мимо её стола, не глядя по сторонам, и Анна машинально отметила только одно: у него была чёрная термочашка с какой-то странной гравировкой. Буквы, похожие на математическую формулу, выгравированные с точностью до миллиметра.

Она не знала его имени. Он не знал её. Но именно в этот день он впервые задержался у стола Анны — ровно на секунду дольше, чем требовалось, чтобы просто пройти. Анна, поглощённая своими мыслями, не заметила этого, но его взгляд, острый и внимательный, уловил всё: как она быстро свернула окно на экране, как напряглись её плечи под тканью пиджака, как взгляд метнулся к телефону, лежащему экраном вниз, словно пытаясь скрыть что-то важное.

Влад не был любопытен по своей природе. Его внимание было направлено не на удовлетворение праздного интереса, а на выявление закономерностей. Он был обучен замечать паттерны, и прямо сейчас его внутренний процессор, тот самый, что круглосуточно анализировал корпоративные данные, тихо выдавал сигнал: «аномалия». Женщина, которая годами не меняла выражения лица, вдруг начала вести себя иначе. Он ещё не связывал это с каналом — но уже сохранил наблюдение в памяти, как сохраняют черновик письма, чтобы вернуться к нему позже, тщательно обдумывая каждый символ и каждую деталь.

Вечером Анна сидела в метро и бездумно смотрела в окно. За стеклом не было ничего, кроме бесконечной тьмы и редких электрических вспышек, словно далёких зарниц в ночном небе. Она вновь и вновь прокручивала в голове слова Михи: «Кто-то из наших». И она была этим «кем-то». Чужой среди своих.

Анна чувствовала себя тайным наблюдателем, который ходит по тем же коридорам, дышит тем же кондиционированным воздухом, но видит всех насквозь — и молчит. Ей казалось, что внутри неё поселился второй человек, холодный и расчётливый. Не тот, прежний, который улыбался, когда нужно улыбаться, и кивал, когда нужно кивать. А другой — с острым, как лезвие бритвы, зрением, злым языком и странным, почти материнским состраданием ко всем этим людям, которые так же, как она, тащат свою жизнь через турникеты и планёрки.

Когда поезд наконец прибыл на её станцию, Анна поднялась по эскалатору и вдруг осталась у выхода. Она стояла и смотрела на мокрый асфальт, в котором отражались фары машин, похожие на блуждающие огоньки в ночи. Ей пришло в голову, что она больше не знает,

кто она. Но почему-то это не пугало. Это было как смотреть на старую фотографию и не узнавать себя — и понимать, что та, прежняя, была не настоящей, а просто удобной маской, за которой она прятала свои истинные мысли и чувства.

А настоящая, кажется, только начинала проступать, как отражение в тёмном стекле, которое ещё не стало зеркалом, но уже обещает им стать. Анна чувствовала, что стоит на пороге перемен, которые могут изменить всю её жизнь.

Дома она молча поужинала, обняла дочь — та удивилась, но не отстранилась, словно почувствовала что-то незримое, промелькнувшее в материнских объятьях. После этого она ушла в спальню, оставив дочь в недоумении.

Открыв ноутбук, она погрузилась в мир комментариев, словно в бездну чужих мыслей и эмоций. Листала, не отвечая, просто впитывая каждое слово. Их было слишком много для человека, который ещё неделю назад думал, что его никто не слышит. Словно изголодавшийся путник в пустыне, она жадно поглощала каждую реплику, каждый отклик, чувствуя, как с каждым прочитанным словом её наполняет странное, почти болезненное удовлетворение.

Закрыв ноутбук, она легла в темноте, слушая, как Сергей дышит ровно и спокойно, словно ничего не происходит, словно не чувствует той бури, что бушует в её душе. За стеной, в комнате дочери, что-то едва слышно играло — музыка или просто шум приложения. Этот звук, монотонный и неразборчивый, напоминал ей шум далёкого прибоя, который она никогда не видела, но почему-то знала, словно он был частью её самой, частью её потаённых воспоминаний.

Ей хотелось рассказать, выплеснуть наружу всё то, что накопилось за долгие годы молчания, но одновременно хотелось, чтобы никто никогда не узнал. Потому что эта тайна была её единственной по-настоящему обжитой комнатой в огромном доме жизни, где всё остальное было сдано внаём, где всё остальное не принадлежало ей по-настоящему. Она лежала и думала о людях, которые сидели сейчас в таких же спальнях, в таких же городах, и читали её слова. Они не знали её лица, не знали имени, не знали, что днём она поправляет транспортные ведомости и улыбается, когда нужно улыбаться. Но они слышали её — так, как слышат не ушами, а тем внутренним резонансом, который возникает, когда чужой текст вдруг объясняет тебе твою собственную боль, твою собственную тоску.

Анна перевернулась на бок и поджала колени к груди, словно возвращаясь в далёкое детство, когда мир казался простым и понятным. Ей было сорок лет, и на её плечи легли тяжёлые обязательства: ипотека, дочь-подросток, должность, которая не сулила никаких перспектив и лишь утопала в рутине. Но сейчас, в темноте, всё это отступило, стало фоном, почти декорацией, и осталось только одно: внутри неё, в самой глубине души, зашевелилось что-то новое, неизведанное.

Там, в потаённых уголках её существа, дышал кто-то, кого она не знала прежде — не прежняя, удобная, всегда улыбающаяся по команде. Этот новый человек внутри неё дышал тихо, осторожно, как дышит в соседней комнате ребёнок, которого боишься разбудить, потому что тогда исчезнет чудо, та хрупкая и прекрасная реальность, что приносит с собой сон.

Анна не стала тревожить этот незнакомый образ. Она просто закрыла глаза, погружаясь в темноту своих мыслей, и дала ему побыть, существовать в этом мгновении, не пытаясь разгадать его тайны или понять его мотивы. Она чувствовала, как он шевелится внутри неё, как будто пробует на вкус её душу, и это было одновременно страшно и завораживающе.

Глава 4. Эдуард Петрович

Утро понедельника в офисе несло в себе тяжёлый запах сырости и выходных — тот особенный аромат, который наполняет помещения после двух дней пустоты, а теперь снова ожил от присутствия людей, их дыхания, мокрых зонтов и невыспавшихся лиц. Анна пришла раньше обычного, словно подгоняемая невидимой силой. Метро летело без задержек, светофоры на переходе горели зелёным, и весь мир, казалось, спешил вместе с ней, торопя к чему-то неизвестному, что ждало её впереди.

В опенспейсе царил тишина. Только охранник на первом этаже да уборщица, методично протирающая подоконники в коридоре, заметили, как Анна прошла к своему столу. Она села, включила компьютер и, пока он загружался, достала телефон. Её канал за выходные перевалил за полторы тысячи подписчиков. Комментарии шли сплошным потоком: люди спорили, смеялись, рассказывали свои истории. Анна больше не читала каждый комментарий — не хватало времени, — но просматривала их, выхватывая глазами отдельные фразы. Эти слова грели её изнутри, как греет ладонь, прижатая к горячей кружке чая.

К десяти часам офис ожил. Загудели голоса, застучали клавиатуры, кто-то включил чайник в кухонном закутке, и по воздуху поплыл запах дешёвого кофе. Анна работала, но её мысли были расщеплены: половина — в транспортных ведомостях, половина — там, в канале, где она уже мысленно набрасывала новый пост. Она знала, о чём напишет сегодня, хотя сама ещё не осознала этого. Мысли текли плавно, сплетаясь в единый поток сознания, который уносил её всё дальше и дальше от реальности, в мир, где слова становились живыми существами, полными эмоций и чувств.

Планёрку назначили на десять тридцать. В переговорной №4, той самой, где проектор шумел, словно холодильник на последнем издыхании, собрались восемь человек. Анна села с краю, ближе к окну, и положила перед собой блокнот, чувствуя себя как на сцене под пристальными взглядами невидимых судей. Она заметила, что Лена из закупок бросила на неё короткий взгляд — не враждебный, но изучающий, словно пытаясь прочесть её мысли. Затем Лена тут же уткнулась в телефон, скрывая свои намерения за экраном.

В углу, возле двери, сидел Миха и машинально рисовал на полях ежедневника какие-то квадраты, погружённый в свои мысли. Его движения были медленными и задумчивыми, словно он пытался уловить ускользающую мысль. Анна невольно задумалась о том, что творится в его голове, какие мысли и чувства скрываются за его внешне спокойным видом.

Эдуард Петрович вошёл последним. Он был не в духе — это чувствовалось по тому, как он двигался: тяжелее обычного, с одышкой, словно воздух вокруг него стал плотнее и давил на него. Он сел, шумно выдохнул и разложил бумаги. Его движения были резкими и нервными, словно он был раздражён всем окружающим миром.

Планёрка началась с отчётов, и первые десять минут Анна ещё слушала — вполуха, но слушала, пытаясь уловить суть происходящего. Она чувствовала, как напряжение нарастает с каждой минутой, словно невидимая волна, которая накатывает на неё и пытается сбить с ног. Когда очередь дошла до неё, Анна почувствовала, как её сердце забилось быстрее, а ладони стали влажными от пота.

— Анна Игоревна, транспортные ведомости, — произнёс Эдуард Петрович, не поднимая глаз, его голос звучал глухо и бесцветно, словно каждое слово было тяжёлым грузом.

— По транспортным накладным разночтений нет, — сказала Анна ровным, бесстрастным голосом, таким, каким она говорила всегда. — Отгрузки идут по графику. Есть задержка на две позиции, но поставщик обещает закрыть к среде.

Эдуард Петрович поднял глаза, медленно, словно ему требовалось неимоверное усилие, чтобы сфокусироваться на ней. Анна почувствовала, как её сердце забилось чаще, она знала этот взгляд, знала, что он означает.

— К среде, — повторил он, растягивая слова, словно смакуя их вкус. — А сегодня у нас что? Понедельник.

Анна ничего не ответила. Она знала этот тон — он не спрашивал, он готовил почву для очередного урока.

— Анна Игоревна, — он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, его голос стал вкрадчивым и почти ласковым, — вы у нас сколько уже работаете? Восемь лет? Девять? Я, признаться, думал, что за такой срок можно научиться планировать, а не жить по принципу «как-нибудь доведут».

Он усмехнулся — не зло, а почти по-отечески, что было ещё хуже, потому что такая усмешка не оставляла права на обиду, словно он был снисходителен к её ошибкам.

— Может, вам, женщины, и правда нужен кто-то, кто будет проверять за вами каждую циферку? А, Анна Игоревна? — спросил он, его голос был полон нескрываемого сарказма, а взгляд — холодного презрения.

В переговорной воцарилась такая тишина, что, казалось, даже воздух замер. Тишина была плотная, осязаемая, словно все присутствующие одновременно перестали дышать, затаили дыхание в ожидании чего-то неизбежного. Анна вдруг отчётливо услышала тихий гул вентилятора в проекторе — он работал размеренно и монотонно, словно отсчёт метронома, отсчитывающего последние секунды перед решающим событием.

Она посмотрела на Эдуарда Петровича, и в этот момент его лицо показалось ей удивительно ясным, словно она увидела его впервые. Крупное, с красноватыми скулами, оно было лишено признаков злости или агрессии. Редкие волосы были зачёсаны набок, а на воротнике виднелись крошки. Он не был чудовищем, каким она его себе представляла. Он был просто человеком, который твёрдо верил, что мир устроен определённым образом: одни говорят, а другие улыбаются.

Анна улыбнулась — рефлекторно, не успев осознать свои действия. Эта улыбка была результатом долгих лет тренировки, она стала частью её натуры, её защитной реакцией. Уголки губ приподнялись, глаза сузились в вежливом прищуре, словно пытаясь скрыть бурю эмоций, бушующую внутри.

— Я учту, Эдуард Петрович, — произнесла она тихо, но твёрдо, стараясь, чтобы её голос не дрожал.

И открыла транспортную ведомость, чувствуя, как в душе нарастает напряжение.

Совещание продолжалось, но Анна уже не воспринимала его. Она сидела за столом, смотрела в экран ноутбука, где цифры расплывались перед глазами, и чувствовала, как внутри неё, где-то глубоко, за грудной клеткой, сворачивается в клубок что-то тёмное и горячее. Это не был гнев, нет. Гнев — чувство активное, оно требует выхода, оно подобно штормовой волне, которая бьётся о скалы и взрывается тысячами брызг. То, что чувствовала Анна, было другим — томительным и безысходным. Это была глубокая обида, которая копилась годами и уже не искала выхода, потому что разучилась верить, что выход существует.

После планёрки Анна вышла в коридор и остановилась у кулера. Её руки механически держали пластиковый стаканчик, а сама она стояла и смотрела в стену, не видя её. Кто-то прошёл мимо — кажется, Лена, — но Анна не обернулась. Она была погружена в свои мысли, которые кружились в её голове, как вихрь. Она думала о том, что скажет сегодня вечером. Вернее, не скажет — напишет.

Весь оставшийся день слова копились в ней, как вода в переполненном резервуаре. Анна работала, отвечала на письма, поправляла формулы в Excel, но параллельно внутри неё шла другая работа — тайная, почти химическая. Слова подбирались друг к другу, выстраивались

в ряды, отбрасывали лишнее. Они были словно кусочки мозаики, которые постепенно складывались в единую картину. Анна больше не думала о том, безопасно ли писать о планёрке. Она думала только о том, чтобы сказать правду так, как она её видела. Правду, которая жгла её изнутри, как огонь.

Вечером, когда офис опустел и лишь редкие лампы мерцали над дальними столами, Анна задержалась. Она сидела, склонившись над телефоном, и писала. Не в душном метро, не дома — здесь, в пустом опенспейсе, где гудела вентиляция и за окном призрачно горели жёлтые окна соседнего здания.

Она писала о тишине — той напряжённой тишине, которая повисает после слов, на которые нельзя не улыбнуться. О том, как взрослые люди, уставшие и опустошённые, сидят вокруг стола и молчат, и каждый, чувствуя нарастающее внутри беспокойство, знает, что происходит что-то неправильное, но никто не встаёт и не выходит. Потому что ипотека давит тяжёлым грузом, потому что квартальный отчёт висит дамокловым мечом, потому что страх быть названным «некомандным игроком» сковывает по рукам и ногам.

Она писала об Эдуарде Петровиче, не называя его полного имени, но дав ему приметы, которые невозможно было не узнать: «человек, чьё имя звучит как название дачного посёлка, где время остановилось и всё покрыто паутиной забвения». О проекторе, который шумит, «как холодильник на последнем издыхании, издавая хрипы и стоны, словно живой организм, мучимый болезнью».

И вот, сама того не ведая, она вплела в текст ту самую роковую деталь, которая позже станет неопровержимой уликой: «Я открыла транспортную ведомость и сделала вид, что меня здесь нет».

Она перечитала написанное, и её охватило странное чувство. Пост получился длиннее обычного и злее, чем ей хотелось. Каждое слово, словно острый осколок, царапало душу. Но менять она ничего не стала. Пальцы, будто чужие, нажали «Опубликовать», и телефон мигнул, отправляя слова в ту пустоту, которая уже не была пустотой, а была пространством, полным чужих глаз и сердец, жадно поглощающих каждое её слово.

Она встала, накинула пальто и направилась к лифту. В коридоре горел тусклый, почти призрачный свет. У двери в дальний угол опенспейса, где стояли столы аналитиков, кто-то ещё сидел — она заметила боковым зрением мерцающий свет монитора и тёмный силуэт человека в наушниках. Она не остановилась, не окликнула. Просто прошла мимо.

Влад поднял голову, когда она уже скрылась за поворотом. Он смотрел туда, где только что мелькнул её силуэт, и в голове его, как в хорошо отлаженной системе, щёлкали невидимые переключатели. Стилметрия ещё не была запущена, но паттерн уже начал формироваться. «Аномалия», — прошептал он себе под нос и вернулся к монитору, на котором разворачивалась кривая графика, похожая на кардиограмму спящего города, окутанного ночной тишиной.

Глава 5. Воронка подозрений

Анна проснулась с тягостным ощущением, что забыла что-то крайне важное. Так бывает, когда накануне выпил лишнего или лёг за полночь с неотпущенной мыслью, — но она не пила и легла рано. Просто сон был поверхностным, как вода в блюде, и не принёс отдыха. Её охватывало тревожное чувство неопределённости, словно она стояла на краю чего-то огромного и неведомого.

Она полежала, глядя в потолок, и вдруг вспомнила: пост. Тот самый, вчерашний. Он ушёл в сеть поздно вечером, и она ещё не проверяла, что с ним стало. Рука сама потянулась к телефону, и она, ещё не до конца проснувшись, с замиранием сердца открыла канал.

Цифры ударили в глаза, словно яркий свет после темноты. Подписчиков было уже за две тысячи, но не это заставило её сесть на кровати и поджать колени к груди. Под постом горело больше ста комментариев, и в них — впервые за всё время — звучало не только «спасибо» и «узнаю». Там появилось другое: догадки. Люди спорили, кто автор и где работает. Кто-то писал: «Это точно логист, там такие детали, которые со стороны не увидишь». Другой отвечал: «Да ладно, таких компаний сотни». Третий добавлял: «Нет, тут что-то конкретное, чувствуется».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.